

Н.В.Осьмаков

**РОДИНА
НАРОД
РЕВОЛЮЦИЯ**

Этапы развития русской
революционной поэзии
второй половины

XIX—
начала
XX
века

Пособие для учителей

Москва «Просвещение» 1977

землевольческий период лишь намечаются: звучат лишь первые аккорды песен, гимнов и лирических стихотворений народовольческой поэзии. Основным содержанием, лейтмотивом поэзии остается отражение в ней нового фазиса в развитии революционного движения, тяжелого положения народа, пробуждения его политического сознания.

3

МОТИВЫ «МЕСТИ И ПЕЧАЛИ»

Всем предшествующим развитием общественной мысли и литературы революционные народники были подготовлены к практическому действию, к пропаганде революции непосредственно среди народных масс, подъему народа на восстание против царизма. Они пытались на практике проверить предположение революционных демократов о возможности в России крестьянской революции и убедились, что народные массы — русское крестьянство — к революции не готовы, что нужны какие-то новые средства, чтобы всколыхнуть народ, возбудить в нем гражданские чувства, притупленные веками рабства и слепого повиновения властям. Для этого требовалось очень много времени, кропотливой пропагандистской работы, что не могло удовлетворить разгоряченную некоторыми успехами революционной борьбы и ожесточенную полицейскими репрессиями молодежь. Разбег был сделан, сила мощная и хорошо законспирированная организация, которую впоследствии высоко оценил В. И. Ленин в статье «Насущные задачи нашего движения»¹. Нужно было действовать. Народникам казалось, что Россию может всколыхнуть и пробудить от долголетней спячки какое-нибудь выдающееся, выделяющееся из ряда обыкновенных действие, герический акт позмездия высокопоставленным чиновникам или самому царю.

Не замедлили оказаться и результаты этой новой тактики революционных народников. 24 января 1878 г. восемнадцатилетняя Вера Засулич совершила покушение на петербургского градоначальника генерала Трепова, 4 августа того же года С. Кравчинский убил шефа жандармов Мезенцева. Покушения Засулич и Кравчинского оказали огромное воздействие на русское общество, всполошили жандармерию, а неудачное покушение на царя в Зимнем дворце, подготовленное С. Халтуриным, внесло замешательство и в высшие правительственные круги. Лихорадочно быстро заработала полицейская машина Российского государства, усилились репрессии, жандармы хватали всех сколько-нибудь причастных к подпольной революционной организации.

В результате ускорился процесс преобразования группы террористов, созданной в качестве охранного отряда «Земли и воли»

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 371.

для ответа на царские репрессии, в мощное террористическое ядро, находившееся пока в рамках общей подпольной организации. Возникшие среди ее членов разногласия по поводу методов борьбы привели в 1879 г. к расколу и образованию двух самостоятельных действующих тайных организаций. Террористическое ядро, пользовавшееся поддержкой большинства членов петербургского общества и провинциальных филиалов, образовало общество «Народная воля». Противники террористических методов борьбы, стоявшие за последовательную пропаганду среди народа социалистических идеалов, создали общество «Черный передел», во главе которого стал Г. В. Плеханов. Обе организации выступили со своими подпольными органами печати, получившими название по наименованию самих обществ.

Так раскололась некогда хорошо организованная и сильная своей сплоченностью «Земля и воля», «Черный передел» продолжал пропагандистскую работу, но вскоре распался, а Плеханов вместе с некоторыми из его членов создал социал-демократическую организацию «Освобождение труда». «Народная воля», воспринявшая силу и организованность прежнего единого общества, высоко подняла знамя политической борьбы, аналогом которой явилось 1 марта 1881 г.—день убийства Александра II. После этого наступил постепенный спад революционного движения и ликвидации самой организации. Революционеры-народники, по словам Ленина, «исчерпали себя 1-м марта»¹.

Значение указанных событий, их влияние на развитие освободительного движения в России было огромно. Ленин назвал создавшееся в стране в 1879—1880 гг. положение революционной ситуации². Эти события революционизировали демократические слои русского общества и народные массы, но они же вскрыли порочность подобных методов борьбы и доказали необходимость поисков новых путей наступления на самодержавие, что стало первоочередной задачей зародившегося в середине 80-х годов социал-демократического движения.

* * *

В поэзии революционного народничества еще до раскола движения, формально закрепленного на воронежском съезде членов «Земли и воли», прослеживаются тенденции, объективно отражавшие процесс превращения социальной борьбы народников в террор против царя и его сановников. Эти тенденции угадывались и в усиливавшемся интересе поэтов к личности революционера-борца, смело противостоявшего силам самодержавия, и в призывах к беспощадной мести царизму за мучения и смерть лучших борцов, и в нотках печали, тоски и пессимизма, явившихся

впоследствии ярким выражением краха народнических иллюзий. Перечисленные мотивы поэзии, революционного народничества, наметившиеся в конце второго, землевольческого периода, становятся теперь доминирующими содержанием поэзии.

Выстрел Веры Засулич и судебный процесс по ее делу прозвучали по всей стране, впервые возвещая о наметившемся в среце революционных народников террористическом направлении. Это событие оказало свое воздействие на многих писателей. Непосредственно откликнулись на него Тургенев и Гл. Успенский. Известны факты, говорящие о революционном брожении в среце учащейся молодежи и артистической интеллигенции в связи с покушениями Засулич и Кравчинского³. Вполне естественно, что поэзия революционного народничества живо откликнулась на эти события.

Стихотворение «24 января 1878 г.», посвященное В. И. Засулич, является прямым откликом на ее геройский поступок. Проявление это по характеру своему представляет панегирик героическому подвигу русской женщины-революционерки.

Неизвестный автор рисует безотрадную картину положения страны и народа, свирепого разгула коровопанного палаца и жандармов, пресекающих развитие живой мысли, благих побуждений и стремлений:

Позор, позор! Спинят бачи,
А мысли и сердца не имеют,
И от разделки вазачи
Что миг, то более пьянют:

Открыто нагл бессстыдный взгляд,
Сломяшевши движенья,
И нет разгулу их преград,
И нет узды для преступленья!

Мрачные картины жандармского произвола и правительственныйх репрессий рисуются автором стихотворения для оправдания террористического акта революционных народников, для подтверждения мысли, что террор вызван не их прихотью или кровожаждымя вакхансией (такая версия была распространенная в реакционной печати), а тяжелым положением народа, репрессивными правительства по отношению к свободомыслящей интеллигенции. В этом стихотворении образно выражены мысли народников-террористов о причинах террористических актов. Вот строки о действиях героян:

...Обдумая и взведши свой шаг роковой,
Понесла она твердой, бесстрашной рукой
Оскорбитело роднины кару...

¹ См.: Дурылин С. Н. Мария Николаевна Ермолова. М., 1953. с. 99—167.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 44.
³ Там же, т. 26, с. 219.

Автор этого стихотворения видит в террористическом акте справедливое возмездие революционеров за тяжкие муки народа и передовую интеллигенцию, «правую месть» за преступления царизма, и в этом оно созвучно другому произведению, появившемуся немного позже. Мы имеем в виду значительное по объему стихотворение А. Ольхина «У гроба», написанное вскоре после убийства шефа жандармов Мезенцова и посвященное этому событию. В среде революционеров это произведение получило очень высокую оценку. Н. Морозов в своих воспоминаниях говорил:

«Это лучшее из всех стихотворений, которое мне приходилось читать в нашей литературе, и знаменательно, что оно написано либералом, человеком, никогда не принимавшим активного участия в нашей народнической деятельности»¹.

А. Ольхин — либеральный адвокат, участвовал во многих политических процессах народников. Сочувствуя революционному движению, он создал ряд свободолюбивых произведений, очень популярных в среде демократически настроенной молодежи 70—80-х годов.

Произведение А. Ольхина «У гроба» было написано вслед за появлением нелегальной брошюры С. Кравчинского «Смерть за смерть!», излагавшей мотивы убийства Мезенцова. По своему идейному содержанию стихотворение тесно связано с брошюрой Кравчинского: в центре внимания автора — политическое убийство, террористический акт, оправдание этого акта, страстное доказательство его необходимости:

Как удар громовой, всенародная казнь
Над безумным злодеем свирепилась.

Так начинается стихотворение Ольхина. И сразу же, с первых строк, действие героя, «поразившего шефа жандармов», восторженно оценивается как «всенародная казнь». В этом «ударе громовом» воплотились ненависть всего народа к «злому мучителю», наказание за все его бесчеловечные преступления.

Автор утверждает, что революционеры совершили казнь над царским сатрапом потому, что он воплощал в себе неподобный полицейский порядок, что он был послушным орудием расправы царя над революционерами и народом. О революционере, совершившем казнь «над безумным злодеем», говорится:

То посланный смиренный, послушный бою
Всенародной схватой Немезиды.

Таким образом, действия революционера-террориста оправдываются Ольхином, окружаются ореолом святости, в них он видит пафос народного гнева. Виновником совершившейся казни является не тот, кто ее осуществил, а тот, кто вызвал ее необходимость, кто подготовил ее своей жестокостью.

¹ Морозов Н. А. Повести моей жизни, т. 2, с. 425.

Неизвестный автор стихотворения «После казни 4 ноября», напечатанного в «Народной воле» (1880, № 4), вслед за сообщением о казни активных террористов А. А. Квятковского и А. К. Преснякова, совершенной 4 ноября 1880 г., возмущаясь жестокой расправой царских опричников, зовет к мести, к продолжению борьбы «за свободу, права человека»:

Я топор наточу, я себя причу
Управляться с тяжелым оружием,
В сердце жажды убиц, чтобы руку свою
Сделать страшной беспутнейшими судьям.
Не прощать никого! Не щадить ничего!
Смерть за смерти! Кровь за кровь! Месть за казни!

Если ранние поэзия народников звала в единение сил и широкому общенародному восстанию против царизма, то теперь она воспевает героическую борьбу отдельных революционеров против наиболее жестоких притеснителей народа. «Смерть за смерть!» — это название брошюры С. Кравчинского указывало на лейтмотив многих стихотворений, появлявшихся с конца 1878 г. Вселя «бай неравный с дикой силой», революционеры-террористы устами своих поэтов звали отвечать убийством врагов на смерть своих товарищей по борьбе.

Снова бой неравный с дикой силой...
Жеунтый нал чук одна герой,
Над его беспременной могилой
На врага сомнекается лъ гроздий строй?
Все лъ пойдем под знамя гроздной мести? —

вопрошают Ольхин в стихотворении «На смерть И. М. Ковальского». На этот риторический вопрос автор отвечает горячей убежденностью в победе:

Пусть борьба неравна и трудна:
Уже нам идут бойцы на смену
И победа наша решена!

В связи со стремлением поэтов выразить террористические установки революционеров большое значение приобретает тема героического подвига одиночки-революционера, жертвующего жизнью ради общего дела, ради освобождения народа. Воспеванию героической личности революционера и беспримерных по мужеству дел ее посвящены многие стихотворения, созданные в это время.

Конец 70-х — начало 80-х годов — это период революционной ситуации и вместе с тем это время невиданных по своей жестокости репрессий, разгула жандармов и вызванного этим усиления террористической борьбы народников. Ощущение кровавых событий, подготавливаемых царскими палачами и вызывающих ответное чувство ненависти и мести у революционеров, передано в стихотворении «Нечего ждать»:

Время унылое. Грозное горе
Камнем тяжелым на сердце легло:
Счастья житейского светлое море
Кровью народной полно...
И в той крови, как в вине, утопая,
Мелких страстей и разрата полна,
Дикая, алчна хищников стая
В мире перепут одна...

Об этом же говорится и в стихотворении П. Якубовича:

О, подлое, чудовищное время
С кровавыми глазами, с алчным ртом!
Година ужас...

Жизнь умерла. Кто скрылся в катакомбах,
Кто пал в борьбе... Чудоциам-богам,
Что день, приносятся живые гекатомбы
И курится кровавым фимием...

В ответ на гонения и преследование революционеров, во имя пролитой ими крови неизвестный автор стихотворения «Нечего ждать» призывают «грозных мстителей» к «расправе» над врагами:

Грозные мстители, истаньте же, что ли!
Встань, подымайся, все юные племена!
Встань, весь народ, для расправы крутой!

А в стихотворении Б. Оржиха «Не рыдай так безумно над павшим в борьбе...» содержится призыв к революционеру:

Пусть же кровь наших братьев, погибших в борьбе,
Возродят свою силу, отвагу,
Чувство мести кровавой побудят в тебе
И стремление к народному благу.

В противовес проповедуемым в стихах Борониковского, Барыковой и других поэтов мотивам христианского всепрощения и любви, пропиравшим и в некоторые произведения поэтов-народников¹, П. Лавров в «Песне ненависти», отмечая, что «любовь не даст рабам свободы», призывает к ненависти. Только ненависть к врагам придаст силу и крепость карающей руке революционера. И, обращаясь к революционерам, он призывает:

Разите же прагов не уставая,
Разите смело рукой.
И будет вам та ненависть святая
Сияющее любви святое!

Активизация террористической борьбы — такова характерная черта революционного движения данного периода. Прославление подвига революционера, призывы к отмщению жертв правительственные репрессий, поэтизация гернической личности и оправдание тактики террора, вызванной необходимостью самозащиты и

¹ См., например, стихотворения В. Фигнер «Пасхальная ночь», «В мире покоя или проблеска счастья...», «Библия».

возбуждения энтузиазма масс, — вот новые черты идеиного содержания поэзии революционного народничества. В своих произведениях поэты откликались на современные события — иначе и быть не могло, так как по самой сути своей их поэзия теснейшим образом связана с революционной борьбой того времени; они признали в правой мести, оправдывали революционный террор не только как метод самозащиты, но и как способ борьбы с самодержанием, как способ активизирования масс. Но было бы ошибкой видеть все значение поэзии народовольческого периода только в отражении террористического пафоса. Ограничиваться рассмотрением лишь этой стороны поэзии революционного народничества нельзя, ибо такое представление о творчестве народовольцев будет страдать односторонностью.

Объективное значение поэзии народовольцев гораздо шире, чем оправдание и призыв к революционному террору. Воспитан национальность и непримиримость к самодержавному строю, поэты народовольцы способствовали тем самым революционизированию русского общества. Призымы к мести предполагали не только месть за казни отдельных революционеров, но и имели более широкий смысл: месть за угнетение народа и за все преступления царизма. Словы «Я толор наручу...» из стихотворения «После казни 4 ноября» имели очень широкий смысл, хотя произведение было написано под влиянием конкретного события и воодушевлено местью за смерть двух товарищей-революционеров. И стихотворение «У гроба», написанное по поводу убийства Мезенцова, является отзвуком не только террористического акта народников, в нем нашел свое отражение определенный момент революционного движения.

Можно нужно подзреть справедливой критике террористический метод борьбы революционных народников, их ошибочную и бесперспективную тактику, вредную в конечном результате для дела освобождения народа, но было бы несправедливо не видеть, как поэты на материале террористической борьбы, воспевая героические подвиги революционеров-одиночек, призываая следовать их примеру, звали к решительной борьбе с самодержавием и его слугами.

Объективно произведения поэтов революционного народничества звучали призывом к продолжению борьбы против беспрощения народа и его эксплуатации. Если народники тех лет следовали порочной тактической установке террористов, то поэзия революционного народничества даже при наличии в ней мотивов воспевания подвигов революционеров-одиночек отражала стратегическую линию борьбы с самодержавием, ту линию, которая начиналась в далеком прошлом и проходила через творчество Радищева, Пушкина, Рылеева, Лермонтова и Некрасова.

Нельзя не отметить в поэзии революционного народничества конца 70-х — начала 80-х годов объективной точности и суворой превидности в отражении общественной жизни, соотношения сил

в развернувшейся борьбе. Преклонение перед подвигом героя-одиночки, поэтизация личности революционер-террориста, восторженный пафос их борьбы не мешают авторам стихотворений с горечью констатировать пассивность широких масс народа. Так, неизвестный автор стихотворения «После казни 4 ноября» не упускает из виду и то обстоятельство, что

На мученых бойцов, наших лучших сынов,
Смотрят массы, безжизненно тупы.

Однако если, например, у Некрасова тема народа является главной в творчестве поэта, который не только изображает крестьянина, но зачастую его глазами смотрит на окружающий мир, то поэзии революционного народничества этого периода свойственна некоторая замкнутость в кругу интеллигентских представлений и интересов. Несмотря на то что воспеваемые действия революционеров были направлены на пробуждение и освобождение народа, сам народ как непосредственный объект изображения отходит в познании народовольческого периода на задний план. И��ела даже та слабая связь творчества поэтов с народом и его жизнью, которая наблюдалась в поэзии предыдущего периода. Это можно объяснить неутешительностью результатов «хождения в народ», разочарованием в возможности быстро поднять массы на вооруженное выступление и, главное, увлечением большинства революционных народников (в том числе и поэтов) силой отдельных революционеров, верой в эффективность террористической борьбы, мало связанной с массами, с народом.

Народники-террористы, несмотря на то что их борьба имела революционизирующее влияние на общество, несмотря на их убежденность в правоте своего дела, совершающего во имя народа, по существу, теряли связь с народными массами, превращаясь в группу заговорщиков, обреченных на гибель. События начала 80-х годов вызвали не только аресты выдающихся революционеров, разгром революционной организации народников, но и упадок духа тех, кто остался на свободе или эмигрировал.

* * *

Характерные для поэзии революционного народничества 80-х годов особенности получили наиболее яркое и полное выражение в творчестве П. Ф. Якубовича (1860—1911). «Последним из могикан народовольческого движения» называли впоследствии этого самого крупного и, пожалуй, самого талантливого поэта из всей плеяды народников, совмещавших поэтическое творчество с практической революционной борьбой. Непосредственное участие в подпольной работе, его мировоззрение непримиримого борца, жертвувшего величайшему делу свободы своей личной свободой и даже жизнью, оплодотворяли его поэтическое творчество, прида-

вали его поэтическим произведениям геронический колорит, наполняли их романтически приподнятым пафосом борьбы.

Своевобразие тематики творчества Якубовича в некоторой степени было обусловлено биографией поэта, вступившего в революционную борьбу в период кризиса народовольческого движения. Вот некоторые биографические данные, сообщенные самим Якубовичем в найденной нами рукописи ответов на анкету «Общества любителей российской словесности». На вопрос анкеты об общественном положении вступающего в «Общество» Якубович ответил:

«Таковое утрачено сейчас же по окончании университета, так как пришло заняться революционной деятельностью и вступить в тайную организацию партии «Народная воля», как раз к осени 1882 г. сильно ослабленную арестами, которые произвел в Петербурге Судейкин. Но не успела партия оправиться от этого раздора, как в ее собачьих рядах появился известный предатель Дегаев. Лишился после убийства Судейкина (16 декабря 1883 г.) революционерам удалось избавиться от Дегаева; тем не менее возродиться в прежней силе и блеске «Народная воля» уже не могла: деморализация и всякой рода рефлексия быстро начали охватывать умы и сердца общества и революционной молодежи... В воздухе уже чувствовалось всдулое плетение «восьмидесятичества»... Бежавший из вологодской ссылки еще весной 1883 г. Герман Лопатин тщетно пытался выдвинуть на арену борьбы «старую гвардию» и организовать разбитые кадры «Народной воли». В попытках этих я и принимал посильное участие, перейдя на так называемое нелегальное положение. Летом 1884 г. я устроил, между прочим, в г. Дерпте, в квартире студента Перельмана, тайную типографию, в которой мы и напечатали 10-й номер «Народной воли». Аркадий Геккельман... тоже студент дерптского университета, знакомый мне еще по университету петербургскому (1881 г.), хорошо знал обо всем этом предприятии; и так как в настоящее время доказано, что он и тогда уже был на службе в департаменте полиции, то остается предположить одно: не провалил он типографии и дал 10-му номеру «Народной воли» увидеть свет только благодаря особому обстоятельству (шкурного спасения), о котором здесь долго было бы рассказывать. Однако я лично считаю весьма правдоподобным, что разразившиеся в Петербурге октябрьские аресты (в том числе и Г. А. Лопатина, который сам объясняет, впрочем, арест свой иначе) были делом рук этого агента-прокуратора...»

Сытийбрский погром, однако, не захватил меня, так как я лишь недолго перед тем явился в Петербург и не успел еще зажечь «проникаться». Еще один месяц свободы подарил мне судьба, но, конечно, не моим силам было воскрепить погибшее дело... 15 ноября 1884 г. я тоже был наконец арестован.

До 1 декабря 1886 г. сидел в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Переезжавший затем в Д. П. З. (Дом предва-

зовет к новым дерзаниям, к трудной, но славной борьбе. Уже в стихотворениях сборника «Отклика» нашли свое отражение переломное в русском революционном движении время бурного энтузиазма перед событиями 1 марта 1881 г. и растерянность, разочарованность, апатия, наступившие после 1 марта. В его содержании, и в частности в произведениях Якубовича, выразились стремления революционной молодежи к непосредственному участию в общественной борьбе, жажды великого подвига во имя народа.

В то же время в стихотворениях Якубовича ясно слышались нотки уныния, скорби, жертвенности, обусловленные осознанием революционерами своей оторванности от народа.

В ранней лирике Якубовича сказалась психология оторванного от народных масс борца-одиночки, проявляющего чудеса героизма, но обреченного на гибель и мучительно сознающего свою обреченнность. В некоторых стихотворениях слышны отзвуки декабристской лирики, мотивы поэзии Рылеева: несмотря на неизбежную гибель, надо бороться и воодушевлять своей гибелью новую смену борцов. В лирике Якубовича ярко отразился трагизм положения народовольцев. От имени революционеров поэт заявляет (стихотворение «Матери»),

Что много нас... что часть иль победить
Идем мы, не страшась гоненья,
Что мы способу венчью купить
Идем ценой пыток и мученья.

Выраженная в этом стихотворении альтернатива — «часть иль победить» — все больше и больше занимает поэта. Изменившиеся условия общественной жизни убеждали его в трагическом исходе неравной и отчаянной борьбы. Поззия Якубовича окрашивается в пессимистические тона, в его лирике отчетлинее и громче звучат трагические ноты. Тема жертвенности, обреченностии, наметившаяся ранее, в полной мере воплотилась во многих его произведениях послесмертowego времени. В стихотворении «Призыв» («Стихотворения», 1887) эта остро томящая сладость жертвы выражена в отточенной, афористической форме:

Спеши бороться и страдать,
И пламенно любить.
И жертвой жертву не считать,
И лишь для жертвы жить!

В произведениях Якубовича, в нарисованном образе героя выразилась его поэтическая индивидуальность, проявилась его человеческая личность, раздираемая противоречиями, терзаемая сомнениями, вызванными условиями современной социальной жизни и положением революционеров. Образ революционера, созданный Якубовичем, отражал и исключительный героизм, и народнические упования на всесильность кружковой, заговорщической деятельности, отражал реальные коллизии общества, разделяемого «всякого рода рефлексий».

В так называемых «тиюремных» стихах поэт продолжал разрабатывать ранее намеченные мотивы, но в большей степени, чем в прежних его произведениях, в них заметен спад революционного энтузиазма, усиливаются мотивы покаяния и жертвенности. Однако уверенность в наступлении иных времен, в возрождении былого величия и революционной действенности героев-борцов никогда не покидала Якубовича и в той или иной степени отражалась в его «тиюремной» лирике.

К середине 80-х годов почти все из упомянутых поэтов оказались в тюрьмах или ссылке. К их числу прибавились те народники, чье поэтическое творчество началось в тюрьме. В. Н. Фигнер, например, на свободе была всецело поглощена революционной работой, и мы не знаем ни одного произведения, которое она написала бы до ареста. Но в 1887 г., когда политзаключенным разрешили иметь письменные принадлежности, она написала свое первое поэтическое послание — «Лопатину». Замурованные в одиночные камеры Петропавловской, а затем Шлиссельбургской крепости, полностью оторванные от жизни, но активные и талантливые по натуре, революционеры искали в таких условиях возможность деятельности. Одни из них (Н. Морозов, С. Синегуб, П. Якубович, Ф. Волховской и др.) продолжали начатое еще на свободе поэтическое творчество, другие (В. Фигнер, П. Поливанов, Ю. Богданович) впервые взялись за перо в казематах, чтобы облечь в поэтическую форму свои думы и чувства.

Произведения, помещенные в «Новом сборнике революционных песен и стихотворений» (Париж, 1898), в составленном Н. Морозовым сборнике «Под сводами» (М., 1909), в сборнике «Стихотворения» В. Фигнер (СПб., 1906), подготовленном П. Ф. Якубовичем, а также напечатанные в подпольных и зарубежных изданиях, составляют «тиюремную» лирику революционного народничества, поэзию, родившуюся в Петропавловской крепости и Шлиссельбургской тюрьме. Несмотря на то что большинство содержавшихся в этих сборниках произведений создавалось после 1887 г. и состоянием широкого читателя становилось в 90-е и даже в 900-е годы, мы считаем эти произведения продолжением развития поэзии «старого», революционного народничества, хотя народничество как течение общественной жизни к этому времени уже «вылиняло», растеряло свои революционные идеалы и мешало распространению марксизма в России.

«Тюремная» поэзия политических заключенных развивала тенденции и мотивы, наметившиеся в конце землевольского периода в стихотворениях Морозова, Синегуба, Волховского, составивших основное содержание сборника «Из-за решетки». Истомленные долголетним одиночным заключением, поэты-народовольцы выражали в произведениях свое настроение, свои думы и страдания. И вполне естественно, что основным содержанием их поэзии являлось отражение душевного состояния политического заключенного, оторванного от борьбы, страстно мечтавшего о

вальной жизни, рвущегося на волю. Мрачные стены тюрьмы сковали энергичных и деятельных борцов, наглухо отгородили от жизни, которая, как им казалось, текла сонно и вяло. Прошли времена бурного революционного подъема, участниками которого были народоволцы, за толстые стены тюрьмы не могли проникнуть вести пекулярно нарастающей волны революционного движения, в авангарде которого выступал крепнущий русский пролетариат.

«Если бы хоть маленькая струйка вашего сочувствия, хоть маленький приют волнистого воздуха и свежих людей проникал к нам — нам жилось бы легче! — заявляла впоследствии В. Фигнер в письме к архангельским ссылкам. — Но мы были оторваны всемело и безнадежно от всего дорогого и милого, и это было, пожалуй, тяжелей всего»¹. Гасла надежда на освобождение, давило гнетущее чувство одиночества, тягостное становилась никчемная, одинообразная жизнь в каземате. А за стенами тюрьмы политическая борьба, казалось, совсем приостановилась. «Так жили... мы год за годом, и тюремная жизнь, как снегом, покрывала наши надежды, ожидания и даже воспоминания, которые тускнели и стирались», — писала В. Фигнер². Узников охватывало отчаяние, их души раздирили противоречивые чувства борьбы и апатии, христианского смирения и непримиримости к плачам. Часто, предаваясь воспоминаниям о прошлом, поэты воспламенялись быльм энтузиазмом, верой в будущее, и страдания казались им верным залогом грядущей победы и освобождения народа.

Все эти настроения выливались в размеренные, иногда неумело и нанико написанные, иногда отточенные и верно передающие чувства и мысли строки стихотворений. Надо, однако, отметить, что в передаче этих томительных чувств некоторые из поэтов-народников достигли довольно значительных художественных успехов.

Вечно те же угрызные, пыльные своды,
Вечно та же решетка черенит в окне...
Вереница тянется долгие годы,
Словно тихие грезы в мучительном сне... —

с тоской пишет П. Поливанов (стихотворение «В Алексеевском равелине» в сб. «Под сводами»). От мрачности настоящего, ограниченного одиночной камерой, мечта поэта уходит в манящее прошлое, от которого остались лишь радостные воспоминания:

Где ты, светлое время борьбы и волнений,
Время пылкой надежды и гордей мечты,
Время в счастье грядущих людских поколений...
Мимолетною грезой промчался ты!...

¹ Фигнер В. Н. Стихотворения. — «Библиотека свободительной борьбы». СПб., 1906, № 3, с. 39.

² Там же, с. 40.

Подобные настроения преобладают и в других стихотворениях поэтов-узников, опубликованных позднее Н. Морозовым в сборнике «Под сводами»: «Тоска» «Весна», «Зарницы», «В пинге» П. Поливанова; «Стансы», «Весенние муки» Г. Лопатина, «Осень в равелине» М. Фроленко; «Узник» Ф. Волховского; «Осень», «Весна неволи» Н. Морозова.

Политических узников терзала мысль о бездействии тех, кто находился на свободе, мучило страшное осознание якобы бесполезности их прошлой борьбы, их героических подвигов во имя пробуждения народа. «Мы ждали смены, ждали новых товарищ, новых молодых сил... — вспоминала В. Фигнер. — Но все было тщетно: мы старились, изживали свою жизнь — а смены все не было! И мнилось, что все замерло... и на свободе та же пустыня, что и в тюрьме...»¹. Обращаясь к тем, кто находился за стенами тюрьмы, на воле, кто бездействует и не борется, Волховской с горечью говорит в стихотворении «Узник»:

Что ж родина? — Она молчит.

И от имени революционера, пожертвовавшего своей свободой ради освобождения народа, он в горестном раздумье вопрошает:

Ужеле он матери забыт?
Он, за нее отдавший кровь,
И радости жизни, и любовь!
Нет никого — душа одиной,—
Чье сердце сжалось бы об нем
И братским исыхнуло огнем...»

Отчаяния, проклятия горькой судьбы звучат во многих стихотворениях Г. Лопатина, разутерпевшегося в наступлении лучших времен и проклинившего тот день, когда он переступил порог страшной тюрьмы.

Но наряду с этим слышны в произведениях поэтов-узников и оптимистические ноты. Так, В. Фигнер в своем первом стихотворении — дружеском послании Г. Лопатину² — спешит ободрить товарища по борьбе и страданиям, поднять его настроение, разжечь потухающую веру:

Нам выпало счастье — все лучшие силы
В борьбу за свободу весело отдать...
Теперь же готовы мы вплоть до могилы
За дело народа терпеть и страдать!...
Терпеть без укоров, страдать без проклятий,
Спокойно и скромно в тиши угасать,
Но тихим страдальцем своих юных братий
На бой за свободу и равенство звать!

Однако даже в этом послании проскальзывает мысль о христианском смирении. В других ее произведениях мотив безропотного страдания развивается более настойчиво (см., например,

¹ Фигнер В. Н. Стихотворения, с. 40.

² См.: Фигнер Вера. Пол. собр. соч., т. IV. М., 1932.

стихотворения «Библия», «Уж двадцать месяцев в тюрьме...», «Когда в неудачах смолкает борьба...»¹). Но проходило время, и нотки уныния, тоски и печали сменялись уверенностью в победе того дела, за которое перенесено столько тяжелых страданий. В стихотворениях той же В. Фигнер показан стойкий революционер, не сломленный годами заточения («Памяти Бараникова»²). В дружеских посланиях (жанре, получившем в поэзии народовольцев широкое распространение) опять появляются добрые ноты, мотивы революционной непреклонности (Н. Морозов «Г. А. Лопатину», С. Иванов «Н. А. Морозову», П. Поливанов «Н. А. Морозову», В. Фигнер «Товарищу в неволе» и др. в сб. «Под сводами»).

В. Фигнер дает такую характеристику основных мотивов «тюремной» лирики. «Чего-чего не было за это время! — восклицает она. — И настроение христианской мученицы, готовой все снести с кротостью агиата... и ярость пантеры, заключенной в клетку и грудью и когтями бьющейся в ней в порыве неутолимого желания свободы... и бесконечная снежная пелена, когда все застыло, все успокоилось и началось существование «без настроения», без острого страдания, без мук от сознания своих сил и своего бессилия, когда думалось, что уже «свершилась судьба», и единственный исход — смерть, естественная, спокойная, с бледным ущемием, что ляжешь рядом с теми, кто умер раньше, и заслужишь такое же теплое чувство, которое сам питается к дорогим покойникам»³.

Народовольческий период развития поэзии начался воспеванием геронческого подвига, страстными призывами к мести и закончился скорбными мотивами лирике политических заключенных. Но в скорби и тоске лирики поэтов-народовольцев все-таки довольно явственно звучали нелависть к угнетателям и вера в то, что не пропадут даром их страдания, что они благотворно «отзовутся на поколеньях живых».

* * *

Тенденции, лишь слегка наметившиеся в поэзии революционно-демократического этапа ее развития (см. главу о творчестве Некрасова и поэтов его времени), теперь стали определять сам характер и направленность народнической поэзии, своеобразие ее художественного метода. Элементы публицистичности, выраженные в политической лирике Некрасова и особенно его последователей, в народнической поэзии приобрели доминирующую значение, определяя агитационную направленность призывающих стихотворений и песен. Если у Некрасова элементы романтизма, о ко-

торых говорилось ранее, играли лишь вспомогательную роль в реалистической структуре его произведений, то в творчестве поэтов-народников они становились характерной особенностью художественного метода. Однако художественный метод поэзии революционного народничества формировался не только на основе реминисценций и импульсов, идущих от творчества Некрасова, а прежде всего на основе жизненного материала, осмыслиемого в свете народнической идеологии.

Своебразие романтизма поэзии революционного народничества определялось реальной действительностью 70—80-х годов, во многом было обусловлено характером событий освободительной борьбы. Чтобы понять, как настойчиво и властно героизм и беспримерное самоотвержение борцов с самодержавием требовали от поэтов именно романтического пафоса и эмоциональной принадлежности произведения, надо представить то героическое беспощадие, которое проявлялось молодыми революционерами почти на каждом шагу их деятельности.

Романтическая сущность поэзии революционного народничества определялась не только фактами реальной действительности, дающей яркие образы героизма, — подвиги В. Засулич, С. Кравчинского, С. Перовской, овеванные духом революционной романтики, — но и всей системой народнического миропонимания, романтикой их социального мышления, на которую, как известно, указывал В. И. Ленин⁴.

Преувеличение роли личности в развитии общества и социальных отношений характеризовало как субъективно-социологические построения народников, так и их практическую революционную борьбу. Даже в период «рождения в народе», когда была сделана ставка на подготовку народных масс к немедленному восстанию, т. е. расчет был взят на революционные силы самого народа, революционеры-народники слишком переоценили роль «критически мыслящей личности». Неудача этой первой попытки способствовала пересмотру тактических установок народничества, что привело, однако, не к отказу от неверных положений, а, наоборот, к усилению субъективно-идеалистических воззрений в теории и практике революционной борьбы.

Большинство поэтов-народников были непосредственными участниками революционного движения, так или иначе причастными к выработке его идеологических предпосылок и тактических установок. В своем художественном творчестве они исходили из идеологических основ народничества. Народнические субъективно-социологические воззрения, преображеные в художественном сознании поэтов, естественно, сказывались на их восприятии окружающего мира, и в первую очередь событий революционной действительности. Они, эти воззрения, в известной степени определяли характер создаваемого образа революцио-

¹ Фигнер Вера. Полн. собр. соч., т. IV.

² Там же.

³ Там же, с. 242.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 539.

иера и основные черты лирического героя поэзии революционного народничества в целом.

Субъективно-идеалистическое понимание социальной жизни вело поэтов-народников в их художественной практике не к реалистически достоверному исследованию и отражению явлений окружающего мира, а к изображению интуитивно понятого, а иногда вследствие агитационной направленности произведения даже априорно заданного образца или нормы поведения, воплощаемых или в образе героя-революционера, или в картинах борьбы, грядущей победы и смути угадываемого светлого будущего. Поэзия революционного народничества по направленности своего содержания устремлена вперед, в будущее, она воодушевлена грядущей победой над силами самодержавия и установления справедливого общественного строя. Ради таких великих целей живет и борется герой-революционер, воплощенный во многих произведениях поэзии народников. Эта эмоциональная доминанта определяла облик ее лирического героя. Интуитивно проникшая в сущность антагонизма борющихся социальных сил, художественно осмыслив логику революционной борьбы, поэты-народники рисовали картины современной жизни, будни революционного движения с высоты сложившихся представлений и выработанного эстетического идеала. А это, в свою очередь, закономерно предполагало отбор и использование художественных средств, присущих поэтике романтизма, к тому времени уже хорошо разработанной предшествующей революционной поэзии.

Однако, говоря о романтизме народнической поэзии, необходимо иметь в виду, что он по своим параметрам не совпадает и тем более не повторяет собой «классический» романтизм начала XIX в. В развитии литературы второй половины века мы не найдем того отчетливо выраженного романтизма, каким он сформировался в творчестве Жуковского и других русских романтиков, так сказать, «чистого» образца. Даже у последних романтизм поэтического мышления уже осложнен привходящими элементами иного порядка. И чем далее, тем сильнее проявляются признаки нового художественного метода, тем быстрее протекает процесс становления реализма. Но и с победой реализма в творчестве крупнейших русских писателей — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Некрасова и др. — романтизм оказался очень «живучим», в том числе и в произведениях называемых писателей. Если раньше в творчестве романтиков шел процесс постепенного усиления принципов реалистического метода изображения жизни, то теперь наблюдается использование писателями-реалистами в своих произведениях отдельных элементов романтической структуры.

Романтизм народнической поэзии, резко отличаясь от романтизма «классического» образца начала века своей революционной устремленностью, не совпадает полностью и с революционным романтизмом декабристской поэзии. При всех очевидных

связях между ними (генетической и типологической) нельзя забывать, что это явление разных исторических эпох, что народническая поэзия развивалась в период господства критического реализма, а это накладывало определенный отпечаток на саму структуру романтических произведений поэтов-народников.

Несомненно, народники развивали революционные традиции поэзии декабристов, поэтому некоторые идеино-художественные особенности их произведений (агитационная направленность, жанры песен, посланий и пр.) сохранились и в народнической поэзии. Но в романтические коллизии произведений поэтов-народников составной частью входили реальные конфликты современной социальной жизни. Романтические образы и другие устойчиво традиционные художественные средства поэтов романтизма органически переплетались с реалистическими деталями, а заимствованные от романтизма языковые штампы, часто встречающиеся в их произведениях, сопровождались с призывающими публицистической лексикой, живой фразеологией крестьянской речи, устного народного творчества.

Так, в стихотворении Н. Морозова «Тюремные видения» (сб. «Из-за решетки») отчетливо проявлялись отмеченные тенденции, присущие всей поэзии революционного народничества. Романтический по характеру своему прием построения этого произведения (на основе «сна» или «видения») сопровождается у Н. Морозова обычными для романтиков картинами природы, создающими определенное эмоциональное настроение. Поначалу все строится по канонам романтизма, сама тональность зачина выдержана в романтическом ключе:

Однажды я в башне тюремной лежал...

Эта первая строка задает тон всему произведению Н. Морозова. И примечательно, что обычная тюремная камера заменена в нем «башней», а этот образ влечет за собой ряд романтических ассоциаций, которые подтверждаются другими не менее характерными романтическими аксессуарами. Тоскливое настроение героя («тоска мою грудь надрывала») полностью гармонирует здесь с романтически очерченным пейзажем и обстановкой, окружающей узника. «Темная ночь», разрываемая слабым мерцанием лампочки, «порывистый ветер», «сырой и холодный», угнетают душу заключенного. Даже непременная принадлежность романтических произведений — «луна» здесь тоже «сквозь тучи светила» и «безленино, бледно глядела» в окно, «как смотрит дитя, умирая».

По в этот романтический зacin сразу же вплетаются реальные картины и социальные мотивы:

Я думал о воле, родной стороне,
Мне гречились нивы, равнины,
И белые хижины с белой землей,
Покрытые кроюю народной...

Следующие друг за другом «видения» свидетельствуют о том, что в романтическую основу поэтического повествования вливается художественные детали несомненно реалистического характера. «Песня «брюхих людей», чьи «смутные тени» витают перед взором поэта, очень напоминают «песню» «толпы мертвцев» из некрасовской «Железной дороги». В описании жизни трудающихся здесь, как и у Некрасова, преобладают реалистические детали острой социальной направленности:

Весь на свой мы прожили в рабстве и тыме,
Не видев ни счастья, ни боли.
Под вечным трудом мы канчились без сил,
Без хлеба и крова мы жили,
Нас ветер зимой в непогоду зноила,
Окочи и цепи давила.
Мы жили в бесплодных и диких степях,
В безвестной глуши умирали,
И часто подземных, сырых рудниках
Напрасно мы смерть призывали.

В других «видениях», построенных на символах «Царь-колокол», «Царь-пушкин» и «Золотого тельца», олицетворяющих польское мракобесие, воинно-полицейский террор и бесчеловечную сущность капиталистических отношений,— в этих «видениях» сквозь символику отвлеченности образов тоже проступают реальные штрихи современной жизни. Над «страной векового застоя» гудят «Царь-колокол»:

И тучей черной на тул тот идут
Попы и монахи тулы,
Высоко коруги и чаши несут
Слуги тепла мрака слепые.

«Попы», «монахи», «хоругви», «чаши» и другие реалии этого эпизода, точно так же как и реальные детали следующего «видения»:

Там злятны машины, гремят и ревут,
Шинят, точно змеи, насосы,
И тела и kostи рабочего ревут,
Мелькая, как в вихре колеса —

вносят в стихотворение Н. Морозова дыхание живой жизни, существенно изменяя функциональное значение общей романтической структуры произведения.

Но заключительная картина разрушения ненавистного народу «здания рабства с двуглавым орлом» дана как светлая, радужная перспектива. Вся эта жизнерадостная симфония победившего народа подана в романтическом плане. Здесь вновь меняется тональность стиха, поэтический язык насыщается символикой, приобретает метафористическую многогранность. Концовка стихотворения, перекликаясь с его зacinом, звучит, однако, в другом, эмоционально-воззвышенном и торжественном ключе:

И тучи исчезли с туманом густым,
Разбились оковы народа,
И вся ожила под лучом золотым
Весеннего солнца природа...

Рассматривая стихотворение Н. Морозова в целом, нужно видеть в нем не эклектическое соединение разнородных элементов, которые мы намеренно выделяли для наглядности и удобства анализа, а проявление своеобразия романтического метода в новой исторической эпохе, под воздействием изменявшихся условий и новых художественных задач. Нетрудно также заметить, что романтизм в период господства критического реализма осложнялся влиянием господствующего художественного метода. Таким образом, революционный романтизм поззии народников, генетически восходящий к романтизму декабристской поэзии, приобрел своеобразные признаки, свидетельствующие о тесной связи его с современным историко-литературным процессом.

Подводя итоги, можно сказать, что художественный метод поэтов революционного народничества со всеми его специфическими особенностями складывался и формировался под воздействием многих факторов. Важнейшими из них являются: идеология народничества, определявшая практическую деятельность революционеров и художественное творчество поэтов-народников; обострение общественной борьбы, резкое столкновение противоборствующих сил; своеобразие задач, стоявших перед творчеством поэтов-народников; влияние современного им историко-литературного процесса и, наконец, усвоение традиций предшествующей русской революционной поэзии.

Специфические особенности метода поэзии революционного народничества в известной мере сохранились и в поэзии следующего, пролетарского этапа, особенно на первых порах, в ранне-пролетарской поэзии 90-х годов.